УДК 330.101

DOI: <https://doi.org/10.32782/2520-2200/2019-1-3>**Шедяков В.Е.**

доктор социологических наук,
кандидат экономических наук,
независимый исследователь (Киев)

Shedyakov Volodymyr

DSc (Sociology), PhD (Econ.)
Free-lance (Kyiv, Ukraine)

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СРЕДА ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

GEOSTRATEGIC TRANSFORMATIONS AS A POLITICAL-ECONOMIC ENVIRONMENT OF ORGANIZATIONAL CHANGES

Статья рассматривает изменение политико-экономической среды трансформаций как фактор перемен. Внимание обращено на диалектику внутренних и внешних параметров, свойств новой парадигмы и собственно форсированного перехода, объективных и субъективных составляющих процессов, их рисков и возможностей. Завершение в глобальном масштабе переходного к новым комбинациям образа и укладов жизнедеятельности внутри культурно-цивилизационных миров и структур взаимодействия между ними делает неотъемлемым условием плодотворных системных организационно-управленческих воздействий опережающую ориентацию на парадигмальные перемены. Так, для адекватности метода и инструментария воздействия среде и задачам поддержание эффективности регуляторного контура социально-экономического организма требует заблаговременного выявления и качественного учета общественно важных трансформаций. Соответственно, постглобальный межпарадигмальный скачок означает уже не просто переход политико-экономического лидерства от одного государства к другому, а смену типа структурирования и приоритетов. Собственно, конкурентная борьба идёт отнюдь не за более точное и своевременное овладение какой-либо одной моделью, а между кардинально разными подходами. Переходный межпарадигмальный период – это и «возвращение к себе», и проведение модернизации на своей собственной основе. Т.е. да, переход – это всегда модернизация. Однако новая модернизация – отнюдь не вестернизация. Период форсированных изменений не только концентрирует в себе многоликость переходных и парадигмальных, формальных и содержательных противоречий, но и требует воспитания: именно в массовом порядке – людей, готовых ответственно сталкиваться в своей повседневной жизни с необходимостью решения задач мировоззренческого масштаба и проявлять при этом разумную инициативу.

Ключевые слова: политико-экономическая среда, парадигмальные трансформации, переход, организационные изменения.

Стаття розглядає зміну політико-економічного середовища трансформацій як фактор змін. Увагу звернуто на діалектику внутрішніх і зовнішніх параметрів, властивостей нової парадигми і власне форсованого переходу, об'єктивних і суб'єктивних складових процесів, їх ризиків і можливостей. Завершення в глобальному масштабі перехідного до нових комбінацій образу і укладів життєдіяльності всередині культурно-цивілізаційних світів і структур взаємодії між ними робить невід'ємною умовою плідних системних організаційно-управлінських впливів випереджальну орієнтацію на парадигмальні зміни. Так, для адекватності методу та інструментарію впливу середовищі і завданням підтримання ефективності регуляторного контуру соціально-економічного організму вимагає завчасного виявлення та якісного врахування суспільно важливих трансформацій. Відповідно, постглобальний межпарадигмальний стрибок означає вже не просто перехід політико-економічного лідерства від однієї держави до іншої, а зміну типу структурування і пріоритетів. Власне, конкурентна боротьба йде аж ніяк не за більш точне і своєчасне оволодіння якої-небудь однієї моделлю, а між кардинально різними підходами. Перехідний межпарадигмальний період – це і «повернення до себе», і проведення модернізації на своїй власній основі. Тобто так, перехід – це завжди модернізація. Однак нова модернізація – аж ніяк не вестернізація. Період форсованих змін не тільки концентрує в собі багатолікості перехідних і парадигмальних, формальних і змістовних протиріч, але і вимагає виховання: саме в масовому порядку – людей, готових відповідально стикатися в своєму повсякденному житті з необхідністю вирішення завдань світоглядного масштабу і проявляти при цьому розумну ініціативу.

Ключові слова: політико-економічне середовище, парадигмальні трансформації, перехід, організаційні зміни.

The article considers the change in the political and economic environment of transformations as a factor of change. Attention is paid to the dialectic of internal and external parameters, the properties of the new paradigm and the forced transition period, the objective and subjective components of the processes, risks and opportunities. The global completion of the transition to new combinations of the image and ways of life within the cultural and civilizational worlds and the structures of interaction between them makes the essential condition for fruitful systemic organizational and managerial influences a paradigmatic change of priority. So, for the adequacy of the method and toolkit of the impact of the environment and tasks, maintaining the effectiveness of the regulatory contour of the socio-economic organism requires early identification and qualitative consideration of socially important transformations. Accordingly, the post-global interparadigm leap means not only the transfer of political and economic leadership from one state to another, but a change in the type of structuring and priorities. Actually, the competition is not going for more accurate and timely mastery of any one model, but between radically different approaches. The transitional interparadigm period proper is both a "return to oneself" and a modernization on its own basis. That is: yes, the transition is always modernization. However, the new modernization is not Westernization at all. The main problem: the separation of the irreplaceable and replaceable-wavy, unique and standard - in the strategy, tactics and transformation operations. The times of compressed transformations include the implementation of cardinal, paradigmatic jumps. Now mankind has entered the next period of discovering new horizons of life arrangement and socio-cultural order, mechanisms for ensuring security and development of ecumene. At the same time, on the one hand, the alternatives are too radical, on the other - and weak effects at the bifurcation point can be decisive. Accordingly, the period of forced changes not only concentrates in itself the many-sidedness of transitional and paradigmatic, formal and substantial contradictions, but also requires upbringing: precisely in the mass order - people who are ready to face the challenges of the world outlook scale responsibly and to be rational initiative. In particular, one of the most acute contradictions, manifested through a host of conflicts, is the confrontation of the value of one's own identity (in particular, creative self-development and self-realization) and possession (submission, manipulation). Belonging to the domination of each of them generalizes, builds a tree of goals – interests, functional role system. The application of these strategies can be used for success and prosperity of either their cultural and civilizational world, or themselves, be focused on social or antisocial (and asocial) tasks. The problems of pedagogy development acquire a societal sounding, becoming one of the decisive factors of political and economic competition.

Key words: political and economic environment, paradigmatic transformation, transition, organizational changes.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими заданиями. Завершение в глобальном масштабе переходного к новым комбинациям образа и укладов жизнедеятельности внутри культурно-цивилизационных миров и структур

взаимодействия между ними делает неотъемлемым условием плодотворных системных организационно-управленческих воздействий опережающую ориентацию на парадигмальные перемены. Так, для адекватности метода и инструментария воздействия среде и задачам

поддержание эффективности регуляторного контура социально-экономического организма требует заблаговременного выявления и качественного учёта общественно важных трансформаций [1-5].

Анализ исследований и публикаций, на которые опирается автор, где рассматривают эту проблему и подходы к её решению. И. Алексеенко, С. Амин, Р. Арон, А. Ачлей, З. Бауман, У. Бек, Д. Белл, Г. Бехманн, А. Бузгалин, В. Букреев, В. Вазюлин, И. Валлерстайн, В. Василькова, Э. Гидденс, С. Глазьев, А. Гор, А. Горц, Дж. Гэлбрейт, Н. Данилевский, А. Девятков, Ж. Делез, М. Делягин, Ж. Деррида, Д. Джатрас, В. Дрожжинов, Ю. Дроздов, П. Друкер, А. Дука, В. Ефимов, П. Ещенко, В. Жуков, А. Зиновьев, Л. Ивашов, В. Иноземцев, Д. Калаич, М. Кастельс, В. Катарасов, Я. Кедми, М. Китинг, А. Колганов, В. Корнилов, С. Кравченко, В. Крашенинникова, Е. Куркина, Дж. Курт, А. Левцун, В. Ледяев, Ж.-Ф. Лиотар, Э. Люттвак, С. Михеев, А. Несмиян, Э. Ожиганов, С. Переслегин, К. Петров, А. Печчеи, С. Платонов, В. Пякин, Г. Рейнгольд, У. Ростой, В. Сагатовский, Т. Сакайя, В. Скачко, Е. Спицын, М. Старкова, С. Сулакшин, А. Тойнби, Э. Тоффлер, С. Уралов, П. Фейерабенд, В. Федотова, Ж. Фреско, А. Фурсов, М. Хазин, С. Хантингтон, Э. Швицер, И. Шишкин, О. Шпенглер, У. Эко, А. Элпиадис успешно не только анализировали общую направленность и логику изменения, но и вычленили многие решающие черты и возможные эксцессы парадигмальных трансформаций. Это позволило В. Арнольду, Л. Берталанфи, Р. Газенко, М. Ковальчуку, Ю. Красину, Я. Кучинскому, В. Леонтьеву, В. Лефевру, Г. Малинецкому, А. Мартынову, В. Михальски, К. Омае, С. Переследину, Д. Перкинсу, П. Сингеру, М. Стопперу, А. Чирикковой, Г. Шевцовой, И. Шмерлиной и др. представить и аргументировать диапазон ряда возможных перспективных системных изменений организационно-управленческого инструментария. Соответственно, основные комплексные мировоззренческие направления: прежде всего, консервативное, либеральное и социал-демократическое, – создали свои сквозные (в частности, относительно национального-регионального-глобального, государственного-корпоративного, протекционизма-фритредерства и т.д.) представления о формах и путях транзита к познающей экономике и преодолению при этом разбалансированности порядка и хаоса. Процессы дальнейшего формирования политико-экономической среды преобразований и проявления новых аспектов управления обогащают модели высокоспецифичными чертами, достойными специального дополнительного обобщения.

Цель статьи – подведение итогов исследования аккумуляции авторских позиций в вопросах изменений политико-экономической среды жизнедеятельности во время процесса форсированных трансформаций.

Изложение основного материала с полным обоснованием добытых научных результатов. Осуществление форсированных изменений регуляторного курса как важнейшее условие использования особенностей постглобального характера и переходного состояния социально-экономических целостностей требует комплексного пересмотра целевых приоритетов общества, в частности – его топ-менеджеров и экспертного сообщества [1-5]. Совершенно очевидным в сложившихся условиях является как ущербность попыток подчинения организационно-управленческого потенциала обеспечению кредитно-финансовых показателей, так и ограниченность возможностей собственно монетарной политики. Недостаточность вовлечения широких масс и активизации творческой активности народа, разрыв с историческим наследием и социальным опытом населения выступает существенной препоной и значимым фактором использования как ранее созданных наработок, так и особенностей среды.

Постглобальный межпарадигмальный скачок означает уже не просто переход политико-экономического лидерства от одного государства к другому, а смену типа структурирования и приоритетов. Собственно, конкурентная борьба идёт отнюдь не за более точное и своевременное овладение какой-либо одной моделью, а между кардинально разными подходами. Так переходный межпарадигмальный период – это и «возвращение к себе», и проведение модернизации на своей собственной основе. Т.е. да, переход – это всегда модернизация. Однако новая модернизация – отнюдь не вестернизация. Во-первых, постсовременная модернизация (постмодернизация) – время, когда «каждый вытаскивает себя из болота» прошлого за волосы. Во-вторых, её рефлексивный характер дополнительно отсылает и к субъектности проведения преобразований, и к освоению своего социального наследия. Соответственно, выигрыш – отнюдь не в заимствовании удачных в определённой среде черт, а в наиболее полном раскрытии собственных преимуществ. Эти изменения имеют всеобъемлющий характер, сказываясь, в частности, на комбинациях возможностей и рисков социально-экономического программирования [6-9].

Глобальные трансформации связаны не только с другой моделью развития, но и с изменением привычных ресурсов регионального

управління, з ростом малопротнзуруемої і мноюерархичної, а потому – з трансформациєю характеру взаюотншеній еліти і ообщества. Ресурсно-методологическі бази ообщеспеченія устійного розвитку значимо трансформуються, предрасполагаючи к ообщеспеченію послетователної децентралізації. В хозяйственої сфері межпарадигмального переходу закладаються ообщсновы того, чтобы вечноє ценності челоовеческої життя от символів прошлого через міфы настоящего восходили к образу будущего. Хозяйственные процессы впитують в себя соціальное насліддя, включаючи ообщпыт прошлых модернізацій (в т.ч. і советський період). Реалізація ообщественної мечты как сформированного культурно-цивілізаційного міра образу будущего предполааєт інтеграцію в її структурі кросс-культурных і специфіческих організаційно-управленческих ресурсів соціальноекономіческих процесів. І еслі Модерн приучил к оптимізації розвитку за счт унифікації моделі життядеятельності, то різнообразіє черт постмодерна (соотвественно, постглобальності, постіндустріальності і т.д.) ообщориентує на принципіальное несовпаденіє підходів. В етих умовах іменно регіональное управління способно інтегрувати різнокачественные ообщественные (в т.ч. соціальноекономіческие) ообщотношенія соціума, где перемежаються уклады традиційные, ссовременные і постсовременные. В частности, из-за ускоренія ообщественної і хозяйственої життядеятельності (например, быстрого устареванія знаній, актуалізації требованій мелкосерийного виробства, вунуждающего к частой переналадке, etc.) абсолютної необхідністю становляться і переооуваліфікація, і неперервне ообщобразование, і постійное самоообщобразование, а научні розробки являються весомої составляющей кооонечной конкурентоспособності. Знаніє же, ообщпыт, кваліфікація і т.п. заведомо рассеяны в ообществе – так же, как і дарования.

Разумеється, постглобальний мір строїться как совокупность взаюозависимых, но кардинально разных культурно-цивілізаційных міров – макрорегіонів. Вместе с тем, содержательная, а не формальная («как картофелины в мешке») взаюозависимость связывает іменно взаюодополняющие, значит различающиеся, а не тождественные ообщобразования. Т.о. постмодернізація приводит к формированию уже глобально соотнсимого, но регіонального по своему существу структурирования. Развитие – условие ообщественной безопасности. При етотм традиції і інновации кажутся противостоящими друг другу в ообщосновном при

их ізолированном рассмотрении і анализе. В движении же функционирования і развития традиции постоянно видоизменяются, порождая новые формы і создавая простор для ообщественно важных інноваций. В свою очередь, закрепление в ообществе інноваций ообщеспечивается их укоренённостью в традициях, близостью базовым ценностно-смысловым комплексам культурно-цивілізаційного міра. Освоения его элементов безопасности і развития – ообщосновная задача переходного периода. Соотвественно, новый регионализм і возникает под влиянием как собственных закономерностей трансформирования регионов, так і особенностей новой ообщественной і технико-технологической среды. Между тем, децентралізація не должна на деле превращать соціальноеполитические конфликты в территориально-географические і межрегиональные противоречия или же сводиться к искусственной фрагментации народа. Поддержание же Сверхпроектотм баланса разнородных соціальноеполитических сил с многообразием их интересов і целей без подавления их особенностей при сохранении продуктивности ообщества і его развития входит в понимание соборности. Сверхпроект позволяет почувствовать свою индивидуальную сопричастность ообщественным свершениям, найти «свое место в ообщем строю», предоставив пути ообщественно продуктивному развитию і реализации сущностных сил каждого. Таким образом, дальнейшее очеловечивание механизмов життядеятельності культурно-цивілізаційного міра коррелирует с ообщеспечением взаюорезонирования процессов индивидуализации і социализации, интеграции і самооценности. Вместе с тем, с одной стороны, создание условий, благоприятных для индивидуального і коолективного творчества, – ообщязательная черта продуктивного состояния семьи і ообщества; с другой, предполаається как подстраховка, замена или восстановление ообщественных связей, становящихся по каким-либо причинам інвалидными, так і іммуное отторжение вредоносных воздействий, предотвращение либо локализация девиаций антиообщественного поведения. Соотвественно, для консолидации народа на продуктивных целях Сверхпроект требует динамического подкрепления малыми созидательными проектами.

При етотм природа постсовременной среды і рефлексивный характер постмодернізації требует достижения природоподобия средствами киберсоціології: техногенность цивилизации может грозить тотальным уничтожением. Ранее достигнутая глобальность масштаба процессов взаюодействия втяги-

ваает в происходящие процессы независимо от понимания и умения их использовать, однако стимулировала и защитную реакцию здоровых социально-экономических организмов [10-13]. Распространёнными чертами трансформирования явно становится при этом единство: общей и частной заинтересованности, общественного и личного интереса, социализации и индивидуализации, верности прошлому и устремленности в будущее, общественно важных традиций и инноваций, нравственности и интеллектуальности, ресурсно-методологических баз Традиции, Модерна и Пост-модерна, своего и чужого, протекционизма и фритредерства, открытости и закрытости, мотивирующей общественной среды и кластеров – драйверов развития, элиты и народа, демократии-аристократии и меритократии-эксперткратии, стратегии, тактики и оперативного искусства изменений. Качественно-количественное усложнение ойкумены под воздействием процессов постсовременных, постглобальных и постиндустриальных трансформаций требует адекватного изменения потенциала эффективного практико-теоретического влияния на действительность. Техно-технологическая, социально-экономическая и духовно-нравственная «рассада будущего» культивируется, прежде всего, мегаполисами. Ведущие региональные центры – крупнейшие промышленные мегаполисы являются экспериментальными полигонами развития, концентрирующими ростки постсовременной культуры. Так, в культурно-цивилизационном мире как целостности кардинально расширяются объективные основания для повышения многоуровневого разнообразия. Усиливает общественное звучание формула «творческая многоликость – жизнь, единообразие – уродование в прокрустовом ложе и смерть». Живое противоречиво, через разрешение противоречий осуществляется развитие. Отсутствие противоречий – признак остановки и смерти. Безудержный оптимизм и потоки безбрежной «чернухи» в равной степени могут инспирироваться для ухудшения среды реформ, отсекаения исторических альтернатив и направления к «единственно верному пути» (например, с использованием принципа окна Овертона). Между тем, иное возможно, однако требует духовной, душевно-нравственной и интеллектуальной работы, суть которой концентрируется вокруг творчества. Для сложноорганизованной общественной среды при этом метод всё больше входит в существо трансформирования, как управление растворяется в самоуправлении, а элита – в народе. Однако это предполагает резкое повышение методологической, концеп-

туальной грамотности населения. Так, высвобождение созидательного потенциала (а не звериных инстинктов) требует осознанности своей жизнедеятельности и рефлексивности мышления. Акцентирование духовных трансформаций и интеллектоёмкого творчества – условие выживания и развития ойкумены как разнообразия культурно-цивилизационных миров. Между тем, кардинальная демократизация отношений труда, собственности и управления как ответ на изменение среды, вовлечение в процессы регулирования широких масс тружеников ставит задачу их обучения, причем отнюдь на уровне не частных тренингов, а серьёзного подъема концептуального, методологического образовательного уровня. Для гражданского общества совершенно недостаточно профессиональной грамотности, тем более – «натасканности» в решении точечных краткосрочных задач. Сознательная активность и разумная инициатива предполагают наличие соответствующих институциональных и неинституциональных форм, использующих особенности ризомичности трансформаций сетевых коммуникаций [14-16].

В процессе развёртывания нового регионализма средства, ресурсно-методологические базы осуществления жизнедеятельности сами создают подлинную цель, которая может и не соответствовать декларируемой. Одновременно, эпоха создаёт условия расширения диапазона ресурсных баз и изменения методологии использования стратегий, которые ориентированы не столько на участие в изнурительной конкуренции, сколько на взаимодействие в потоке событий, где каждый не имеет полноты информации и зависит от действий других акторов-контрагентов. Выигрыш – за «организатором», который вмешивается и определяющим образом влияет на процессы, отношения, поведение людей. Соответственно, мастерство сценарного планирования в организации управленческих композиций интеграции должно обеспечить и оптимизацию использования имеющейся ресурсной базы, и подстраховки (замещения) недоброкачественных элементов, а также тех, что выходят из строя. Поэтому гибкость, пластичность – необходимость обеспечения успешной общественной миссии в быстро трансформирующихся условиях социальной эклектики. При создании стратегий воздействий важно понимать, что трансформация смыслов может строиться по принципу сконцентрированных или рассеянных, эволюционных или революционных изменений, системных или фрагментарных, целенаправленных или хаотично-случайных, длительных или краткосрочных, содержатель-

ных или формальных, доверительных или манипулятивных. Использование же разноразправленных сил и социетальных возможностей может предусматривать ориентацию на гибкое сочетание ресурсов социальной действительности и механизмов мягкой и жёсткой власти в рамках «smart power» (разумной власти). В этой ситуации для успешного проведения своей очередной модернизации и использования социального творчества как её важнейшего фактора, регион должен культивировать механизмы не «обязывать», а направлять, заинтересовывать.

Переход в постглобальной социальной инженерии к сетевым основаниям свободы и логике постсовременности, логике свободы является одновременно отказом от единства любого базиса развития и утверждения всеобщности плюрализма. Нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Когда же нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единой культуры, общепризнанной науки, тогда следует быть терпимым ко всему, признавать право на существование непохожего и неприемлемого. Здесь есть место для культурно-цивилизационных миров на основе любых производительных ценностно-смысловых основ; бывшие лидеры модерна не более успешны в условиях логики постмодерна, нежели прочие. Вместе с тем, печально для всякой страны, если не умея опереться на собственный потенциал, она и не входит органично в какой-либо из центров силы, и не в состоянии заинтересовать в себе ни один из них, обрекая себя на участь ресурсного донора. Социально-политический регресс – индивидуальная редукция до звериных инстинктов и общественная атомизация – стимулируются средой, ориентирующей на потребительство и накопительство, отвергающей сущностные силы человека в пользу фетишизации вещей и капитала. Соответственно, аккультурация / социализация программирует две альтернативные стратегии: борьбы либо за свою цивилизацию, либо за себя (часто – с присоединением к ценностям успешной в данный период истории) [17-21].

При этом некоторые из ценностных и поведенческих иерархий могут не соответствовать канонам внешнего восприятия. Обретение образом смысла, включение в социокультурное пространство становится осознанным личностным выбором, становлением как гражданственности, так и общественных отношений (социальности, социальной ткани, социокультурного капитала, etc.). Заведомая ресурсно-методологическая плюральность постсовременности (от постмодерной культуры до постиндустриальных производствен-

ных отношений) предполагает преодоление обязательности канонов и штампов, появление и реализацию подлинной свободы выбора для каждого, от директивного принуждения к стимулированию желательных трансформаций для общества. Инакомыслие – отнюдь не умысел на государственное преступление, а творческий ресурс развития, расширение потенциала решений. Напротив, лояльность и сервильность – вовсе не основание для попустительства любому антисоциальному деянию. В основания социокультурного капитала входит и упрочится осознание своей принадлежности к определённому кругу устойчивых социальных отношений и группам онлайн-идентичности создаётся на базе социокультурных сетей. Место форм личностной зависимости в традиционном обществе и зависимости товарной (принимавшей всеобщий вид в денежной форме) занимают особенности сетевых ризомичных отношений. Сегодня это требует фундамента в виде экономики знаний и акцента на передовых технологических укладах.

Повышение значения демократических процедур предопределяет динамику концептуальной власти в направлении социального уровня воздействия, а ризомический характер изменений требует укрепления социокультурного остова социума. Культура же составляется из совокупности материальных и духовных ценностей, где мириады социокультурных стилистик сведены на основе своих базовых ценностно-смысловых комплексов в культурно-цивилизационные миры. Причём развёртывание виртуальных реальностей повышают арсенал обоюдного давления при взаимопереходах виртуального и реального, одухотворении материального и материализации духовного. Между тем, оценка реального происходит в сравнении его с идеальным. Идеалы общественных справедливости, свободы и равенства преломляются сквозь представления каждого культурно-цивилизационного мира, сконцентрированные в его базовых ценностно-смысловых комплексах. Баланс реализма и символики в тексте чутко отражает как общемировые процессы, так и динамику событий внутри культурно-цивилизационного мира, продолжая оставаться важнейшим ресурсом социально-политической идентификации / самоидентификации. Институциональная память оказывает особенно заметное влияние на исторический выбор в точке бифуркации.

Факты общественной жизни мерцают в субъективности их смысловой интерпретации. Сборка событий в тенденцию во многом характеризует ожидания аналитика / коммен-

татора, осуществляясь под определяющим воздействием мировоззрения. Качество стратегического управления – важнейший фактор конкуренции не только микроэкономических субъектов хозяйствования, но и культурно-цивилизационных миров. Взаимодействие культурно-цивилизационных миров как внешняя среда преобразований всегда включало элементы конкуренции и партнёрства, соотношение которых позволяло констатировать большую / меньшую комплиментарность, притяжение / отталкивание. При этом переживают свои жизненные циклы культурно-цивилизационные миры отнюдь не синхронно. Разумеется, как условное преобладание какого-либо из них в определённый момент вовсе не означает его большей потенциальной ценности для развития всей ойкумены, так и проигравшие в исторической конкуренции зачастую таили спасительные для человечества возможности повышения качества жизни и создания условий для творческого раскрытия одарённости.

Соответственно, рождается комплекс проблем по обеспечению взаимодействия в условиях «стабильной нестабильности», когда может «проснуться», открыв решающее направление развития и как внутреннего, так и внешнего воздействия любая почка «ризомы». Способность к устойчивости и изменению культурно-цивилизационных миров во многом определяется сплетённостью (в частности, под влиянием исторического опыта, социокультурного наследия и ментальных матриц народа) объективных и субъективных факторов структурирования, формирующих разнокачественные обратные связи и отношение к творчеству (индивидуальному и массовому, в труде и управлении). Контрмодерн – модели постмодерного доминирования регресса с его чертами: деиндустриализацией, откатом в сфере культуры, падением уровня образования и т.д. Срыв постмодерна как модели развития в контрмодерн как вариант деградации включает деградацию самой структуры общественных изменений, способа воспроизводства общественной жизнедеятельности.

Потенциал устойчивости и развития при участии в интеграционных процессах постглобального уровня и качества во многом обеспечивается разнообразием моделей жизнеустройства и сочетанием освоения новейших укладов с выращиванием инновационных форм базовыми ценностно-смысловыми комплексами. Да и сама региональная многоуровневость делает их амортизаторами и балансёрами разнообразных образований. Существо происходящих трансформаций общественной среды перемен связано с перерастанием ста-

диального (формационного, этапного) развития, с преодолением материальной доминанты жизнедеятельности. Акцентирование животного воспроизводства снимается процессами социального создания и воссоздания, творчества и тиражирования, которые ложатся в основание духовно-ментальному развитию, обеспечивающему новые формы традициям на основе ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров. Ныне лидеры творят смыслы, выдвигают идеи, аутсайдеры тиражируют вещи. Ойкумена по-прежнему сохраняется и развивается силами нравственной саморегуляции, развивающейся из ментальных матриц народа в процессе обретения исторического опыта и освоения социокультурного наследия, воспринимаемых сквозь призмы личности ценностно-смысловых комплексов. Именно моральные стержни через традиции, устои, обычаи создают, организуют и оберегают общество и его историческую субъектность.

Характер ценностей постглобализма оказывается восприимчив к социальным комбинациям потребительского самоограничения в пользу творческого процесса и индивидуальной самодисциплины ради реализации сущностных сил. Соответственно, научно-образовательно-производственные циклы перенастраивают свои ведущие звенья: фундаментальные исследования – прикладные исследования – технические разработки – изготовление новой техники – её распространение и использование, предполагая формирование как благотворной социально-экономической среды, так и инновационных точек концентрации изменений, находя пути решения противоречия между объективной потребностью в культивировании творческой одарённости (прежде всего, духовной) и «оттоком мозгов» в направлении наиболее благополучных регионов ойкумены. И именно периоды максимального нарастания разгула не только природных, но и социальных стихий содержат потенциал катастрофического слома равновесия и разрушения гармоничного состояния общественного баланса. Соответственно, сейчас научной методологии обоснованно неэффективность для принятия и осуществления стратегий получения «разорванных» знаний о ситуации, когда её разные стороны изучаются изолированно друг от друга, а теоретический синтез для создания представления на основе полученных по-отдельности знаний о нём откладывается на время после осмысления и систематизации экспертом. Необходимо изменить традиционный подход научных исследований и требования к обработке и организации полученного

стратегического уровня знания. А методы, развитые в одной сфере деятельности, могут эффективно применяться в совсем другой: существует множество форм рациональности, которые не сводятся друг к другу. Применение же в подготовке и осуществлении управленческих композиций методологии позволяет отделить главное от второстепенного, закономерное от случайного, обеспечивая правильное понимание сути процессов и тенденций, а также точную оценку возможности воздействия на них с прогнозируемым результатом. Напротив, «простенькая» наука результативной может оказаться лишь ситуационно, сбиваясь на общеизвестные факты и предлагая нехитрые стратегии. Именно кардинальная разница между сознанием научным (рефлексивным) и различными вариантами донаучного позволяет реагировать на причины явлений и на процессы, а не их проявления. Основными ориентирами здесь выступают три уровня существования: прошлое (предыдущие состояния), будущее (направление развития) и настоящего (функционирования), которое возникает постоянно меняющимся моментом между прошлым и будущим.

Выводы. Программирование сложных политико-экономических процессов требует тщательного выделения формирующихся трендов среды. Поиск желательных для них системных моделей поддержания социального равновесия при движении к познающей экономике осуществляется сегодня, в первую очередь, с позиций национального эгоизма, интернационального корпоративизма и социально-демократического движений. Основная проблема: отделение незаменимого и заменяемо-волнообразного, уникального и стандартного – в

стратегии, тактике и оператике преобразований. При этом, с одной стороны, альтернативы слишком радикальны, с другой, – и слабые воздействия в точке бифуркации могут оказаться решающими. Времена сжатых трансформаций включают осуществление кардинальных, парадигмальных скачков, не только концентрируя в себе многоликость переходных и парадигмальных, формальных и содержательных противоречий, но и требуя воспитания: именно в массовом порядке – людей, готовых ответственно сталкиваться в своей повседневной жизни с необходимостью решения задач мировоззренческого масштаба и проявлять при этом разумную инициативу. В частности, одним из острейших противоречий среды, проявляющихся посредством сонма конфликтов, становится противостояние ценности собственной самобытности (в частности, творческого саморазвития и самоосуществления) и обладания (подчинения, манипулирования). Принадлежность к доминированию каждой из них генерализирует, выстраивает дерево целей – интересов, функционально-ролевую системность. Применение этих стратегий может быть использовано для успеха и преуспевания либо своего культурно-цивилизационного мира, либо себя, быть ориентировано на социальные или антисоциальные (и асоциальные) задачи. Так индивидуализация жизнедеятельности резонирует с социализацией и аккультурацией человека, балансом в решении индивидуальных и социальных задач. Переход общества к уровню более серьезных проблем предполагает умение нахождения новых форм гармонии политико-экономической среды и интеграции разноуровневых интересов как в Сверхпроекте, так и в массе малых проектов.

Список использованных источников:

1. Kurth J. Toward the Postmodern World. *Dialogue*. 1993. № 2. P. 8–13.
2. Гринспен А. Эпоха потрясений. Москва : Юнайтед Пресс, 2010. 550 с.
3. Друкер П. Эпоха разрыва. Москва : Вильямс, 2007. 322 с.
4. Шедяков В. Е. Постглобализм как социально-экономическое явление. *Рухес*. 2016. № 4. С. 104–114.
5. Шедяков В. Е. Системное соответствие социальных институтов как фактор использования условий межпарадигмальной переходности. *Регіональні студії*. 2018. № 14. С. 70–75.
6. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. Москва : Прогресс, 1979. 390 с.
7. Шедяков В.Е. Економічне мислення: адекватність новим вимогам. *Формування ринкових відносин в Україні*. 2016. № 7-8. С. 12–18.
8. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. Москва : Европа, 2007. 162 С.
9. Валлерстайн И. После либерализма. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
10. Engdahl F. W. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. Pluto Press, 2004. 312 p.
11. Калаич Д. Третья мировая война. Москва : Литератор, 1995. 156 с.
12. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. Москва : Pretext, 2005. 319 с.
13. Газенко Р., Мартынов А. Идеальный шторм. Технология разрушения. Москва : Книжный мир, 2016. 272 с.

14. Шедяков В.Е. Политико-экономическая стратегия форсированных трансформаций. *Strategies for Economic Development: The experience of Poland and the prospects of Ukraine* / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnikov. Kielce: Baltija Publishing, 2018. Vol. 1. P. 287–303.
15. Шедяков В.Е. Осуществление парадигмальных трансформаций: сорезонирование стратегии, тактики и оперативного искусства в управленческих композициях. *Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine* / Maria Curie-Sklodowska University. Lublin: Baltija Publishing, 2017. P. 282–307.
16. Шедяков В.Е. Искусство власти и власть искусства. *Журналист*. 1998. № 12. С. 8.
17. Фурсов А.И., Правосудов С.А. На пороге глобального хаоса. Битва за будущее. Москва : Книжный мир, 2015. 260 с.
18. Володимир Шедяков: Система світогосподарських зв'язків переживає стан, близький до інституціональної невизначеності. *Економіст*. 2015. № 9. С. 1–3.
19. Параг Ханна. Как управлять миром. Власть в XXI веке. Кому она будет принадлежать? Москва : Астрель, 2012. 320 с.
20. Шедяков В.Є. Геостратегія сорозвитку: ціннісно-сміслові комплекси як основа взаємодій культурно-цивілізаційних світів. *Вісник Дніпропетровського університету. Серія Філософія Соціологія Політологія*. 2015. № 2. С. 217–229.
21. Шедяков В.Е. Упреждение срыва постмодерна в сценарии контрмодерна: региональные измерения. *Регіональна економіка та управління*. 2018. № 1 (19). С. 136–142.